

Е.А. Ростовцев

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ (1919–1939)*

Аннотация. В статье рассматривается ход формирования представлений об истории Санкт-Петербургского университета в контексте развития коммеморативных практик и историографии в период между университетскими юбилеями 1919 и 1939 гг. В частности, показана эволюция социального заказа к текстам по истории ЛГУ, влияние на этот процесс государственной политики в области высшей школы и политики памяти. Особое внимание уделяется процессу конструирования истории революционного движения в университете, а также истории его советизации. В статье показано, каким образом проходил процесс освоения и присвоения истории «старого университета» в рамках нового советского исторического нарратива. Отмечается, что формирование основных установок советской историографии истории Санкт-Петербургского/Петроградского/Ленинградского университета во многом было обусловлено дискурсами «освободительной версии» исторической памяти российского общества и университетской корпорации, сложившейся в конце XIX – начале XX вв. В конце 1930-х гг. под влиянием коммеморативных практик начинается формирование новой программы коллективных научных исследований по истории ЛГУ, реализация которой пришлось уже на военное и послевоенное время.

Ключевые слова: историческая память, история университетов, история Санкт-Петербургского университета, история Ленинградского университета, история ЛГУ, юбилеи, коммеморации.

Ростовцев Евгений Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН.

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 19-011-00782 «Историческая наука Петрограда–Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография».

Историография Санкт-Петербургского/Петроградского/Ленинградского университета является предметом постоянной рефлексии, и в многочисленной литературе традиционно подчеркивается ее коммеморативный характер на протяжении длительного времени [см., напр.: 4; 6; 7; 16; 21 и др.]. Действительно, на протяжении XIX–XX вв. основные исследовательские предприятия и тексты, посвященные истории Санкт-Петербургского университета, были связаны с очередными «датами» и юбилейными мероприятиями; эта ситуация характерна как для дореволюционной [26; 36; 74; 95], так и для советской [8; 13; 58; 82] и постсоветской [5; 14; 15 и др.] традиции. Неслучайно, что в литературе немалое внимание уделяется и истории самих юбилеев [см.: 9; 22]. В этом контексте историография Санкт-Петербургского университета развивается в русле как российских, так и европейских *university studies* [см., напр.: 3] и только в последнее десятилетие традиция изучения истории университета стала все более принимать проблемный характер, преодолевая зависимость от «знаковых дат» и юбилеев [17].

Период 1919–1939 гг. представляется нам особенным в том отношении, что в это время происходило формирование как новых по своему идеологическому содержанию коммеморативных практик, так и дискурсов корпоративной памяти и историографии. В фокусе нашего внимания в этой связи оказываются следующие вопросы. Какие периоды и фигуры университетской истории в это время оказываются востребованными в коммеморативных нарративах? Какие идеологические установки лежат в их основе? Как представления об университетской истории, сформированные в дореволюционный период, трансформируются в текстах раннесоветского времени? Наконец, как эволюционирует официальный нарратив университетской истории в условиях советского тоталитарного режима? Разумеется, в данном камерном тексте мы не ставим задачу исчерпывающего ответа на эти вопросы. Цель другая – отталкиваясь от очерченного проблемного поля в очерковой и схематичной форме предложить свое видение эволюции представлений об истории Петроградского/Ленинградского университета в межвоенный период.

Юбилей как перемирие

Российская социальная драма 1917–1921 гг. в полной мере коснулась Петроградского университета – голод, холод, репрессии, гибель и бегство профессорского персонала, упадок и

разруха [см.: 2; 11; 23; 19 и др.]. В этих условиях знаковым стал столетний юбилей университета 1919 г., который имел широкий общественный резонанс [9; из любопытных источников личного происхождения см.: 73, с. 399–401]. В период Гражданской войны празднование юбилея Петроградского университета являлось важным культурным событием, объединявшим российскую интеллигенцию – университету было преподнесено более 60 адресов от учреждений, а также множества частных лиц [70, 91] Например, студент физико-математического факультета и впоследствии знаменитый ученый-физик С.Э. Фриш вспоминал, что непосредственно перед юбилеем ходили тревожные слухи о предстоящем объединении университетов, причем в форме присоединения оппозиционного первого университета ко второму (т. е. бывшему Психоневрологическому институту) [88, с. 95; 89, с. 42–43]. Новая власть, однако, воспользовалась этой коммеморацией, чтобы продемонстрировать свою заботу о культурном и научном наследии. Как сообщила газета «Северная коммуна», нарком просвещения А.В. Луначарский «от имени рабоче-крестьянского правительства поздравил присутствующих с днем 100 летней годовщины университета». Далее, нарком сформулировал свое видение сложившейся ситуации в отношениях власти и науки, которое вполне можно считать «вежливым ультиматумом» старому университету: «Народ относится с уважением к науке, хранит ее, а равно и данный университет как ценность. Но из этого не следует, чтобы университет, по-прежнему оставался чем-то самодовлеющим и оторванным от народа. Он должен раскрыться перед массами и приблизиться к ним. Между науками и массами может быть лишь два состояния – или состояние полного слияния, взаимный сплоченности, или же состояние недоразумений, которые наблюдаются теперь под влиянием тяжелых условий момента» [83]. Иначе говоря, старый университет с его научными достижениями как бы *присваивался* режимом, а подчинение корпорации новому порядку рассматривалось как императив.

Характерно, что в рамках этой *политики присвоения* Наркомпрос позволил не только отметить юбилей, но и издать подготовленные к нему материалы по истории университета [78]. Как в самом корпусе опубликованных текстов, так и вступительной статье профессора С.В. Рождественского немалое внимание уделялось «делу профессоров» 1821 г. как яркому примеру борьбы университетской науки с полицейским режимом [77]. Интересно, что в прессе, издававшейся по другую сторону

фронта Гражданской войны, также подчеркивалось значение университета как центра науки и просвещения, страдавшего от полицейского режима, начиная с «дела профессоров» и заканчивая «декретами Луначарского» [48]. Действительно, как известно, вскоре после юбилейного перемирия упраздняется система старого студенческого самоуправления, следуют массовые аресты профессоров, учреждается рабфак, создается так называемое «Научное общество историков-марксистов» – советизация университета вступает в новую фазу [12].

Публицистическая историография 1920-х гг.: борьба за советский университет и революционная история университета

Сложность историографической ситуации в области университетской истории первых лет советской власти заключалась в том, что пишущие тексты об университете оказались в своеобразной идеологической ловушке. С одной стороны, многочисленные ленинские статьи предшествующей эпохи рисовали студенчество и высшую школу в целом как важнейшие центры революции и революционного движения. С другой стороны, «старое студенчество» рассматривалось как часть буржуазии, социальный состав которого необходимо как можно быстрее менять (тем более, что до 1922 г. антибольшевистские настроения в среде университетских студентов были действительно сильны [46]). Это своеобразное противоречие было разрешено М.Н. Покровским в его многократно переиздававшийся «Русской истории с древнейших времен», в которой студенческая среда представлена как особая возрастная социальная группа интеллигенции, представляющая «как нельзя более благоприятный элемент для распространения социалистического учения» [75, с. 437; развернутую характеристику студенческого движения М.Н. Покровским см.: 438, 577–583]. Первые «советские» ректоры университета Н.С. Державин и В.Б. Томашевский в своих спекуляциях по истории университета по существу следовали этой установке, давая оценку как славному революционному прошлому университета, так и обосновывая процесс его советизации [40; 54, с. 8–9]. Однако, следует отметить, что жесткие идеологические рамки, в которые была поставлена университетская тема, способствовали тому, что публикации 1920–1930-х гг., касающиеся интересующей нас проблематики, носят лапидарный характер [20, с. 59–64]. Действительно, краткие исторические сведения об университете приводятся не в научной, а в справочной литературе [54, с. 7–9; 55] или газетной периодике, ориентированной на

аудиторию ЛГУ (тексты публиковавшиеся в университетской прессе – газетах «Студенческая правда» и «Ленинградский университет») [30; 32; 42; 53; 69; 71; 93]. Последний жанр представляет особый интерес с точки зрения реконструкции системы представлений об университетском прошлом, которую новая власть и назначенная ей администрация ЛГУ пытались закрепить в корпоративной памяти.

Отметим также, что параллельно с иницилируемыми властями и партийными активистами коммеморациями и публикациями продолжали существовать и традиционные практики академического сообщества, поддерживающие корпоративную память о выдающихся ученых прошлого как в формате некрологов, так и юбилейных сборников. Интересно, что даже видные административные деятели советской науки, такие как ректор-коммунист В.Б. Томашевский вписывались в таких поминальных нарративах в контекст истории российской науки и дореволюционного университета [96]. Власть не препятствовала чествованиям и коммеморациям таких знаменитых университетских ученых XIX в. как А.М. Бутлеров, И.М. Сеченов, И.М. Мечников и других «борцов за науку в царской России» [28; 59; 81; 64], что вполне отвечало политике присвоения достижений дореволюционной культуры и науки советским режимом. Разумеется, особую роль в этом ряду имела фигура Дмитрия Менделеева, миф о котором стал формироваться еще в дореволюционное время совместными усилиями власти и общества и мемориальный музей которого функционировал в университете с 1911 г. [10; из наиболее значимых текстов 1920-х см.: 37; 63; 94]. Однако, следует подчеркнуть, что в дискурсе 1920-х – начала 1930-х гг. эти герои действовали как бы вопреки политики самодержавия и связанных с ним государственных институций.

В целом же внимание публицистики 1920-х гг. сводилось к двум основным темам – славное революционное дореволюционное прошлое и история прошедшей борьбы последних лет за советизацию университета. Разумеется, центральным персонажем, связанным с революционным прошлым университета, был В.И. Ленин, культ которого стал одним из идеологических оснований советской тоталитарной системы. Сдача экстерном экзаменов в Петербургском университете – один из важных элементов официального нарратива о Ленине. Этот эпизод из жизни отца-основателя социалистического государства стал, пожалуй, и самым часто упоминаемым событием университетской истории в текстах советского времени. Характерен пане-

гирический пассаж с прописными буквами в адрес вождя (приуроченный к очередной годовщине Октября) в газете «Студенческая правда»: «...не каждому студенту известно, что в этом самом зале сдавал когда-то свои экзамены вождь и российский, и мирового пролетариата, организатор Октябрьской победы – ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН» [30]. Однако, в рамках исторической политики 1920-х гг. шел активный сбор информации и о деятельности других героев борьбы с царизмом, особую роль в этом процессе играл Истпарт ЛГУ [29, 72, 90]. Очередные годовщины основания ЛГУ также использовались для мобилизации памяти прежде всего о революционном прошлом. Так в марте 1929 г., в статье некоей Михайловой дается обзор студенческих протестов на университетских годовщинах, начиная с 1899 г. Причем о некоторых «антигероях» из числа старых профессоров (которых как раз в это время выдавливали из «советского университета») приводятся совершенно фантастические сведения. Например, утверждается, что историк С.Ф. Платонов во время беспорядков 1911 г. упал в обморок, а также «заперся со студентами в аудитории, вызвав охрану из полицейских» [65].

В рамках второй темы до читателя советской газетной публицистики доводилась незамысловатая мысль о том, насколько плох был старый университет, и насколько удачным и продуктивным стало его советское преобразование. Хорошим поводом, для создания такого рода текстов были коммеморации, связанные с Октябрьским переворотом/революцией. Например, 7 ноября 1927 г. бывший студент ФОНа Кочергин рисует тяжелую картину университета начала 20-х гг. с реакционным студенчеством, словами «господа» и «коллеги», героической борьбой горстки коммунистов с белым студенчеством (кадеты, эсеры, меньшевики) [53]. 7 ноября 1929 г. некий В. Добронравов в тексте «Наш университет в октябрьские дни» приводит примеры контрреволюционных действий и высказываний Совета университета против советской власти и большевиков [43]. В другом октябрьском коммеморационном тексте советский и дореволюционный университет противопоставляются следующим образом: «Умер старый университет – рождается в муках новый. И только слепцы не замечают животворных ростков; только глупцы питают омертвевшие ткани; только безумцы пытаются гальванизировать труп. Много сделано – еще больше остается сделать. Нужно укрепить колеблющихся, подтянуть отстававших, отбросить упрямых, нужно всех вовлечь в поток советской общественности; нужно, наконец, самый уни-

верситет превратить в рычаг социалистического строительства» [41]. Ректор ЛГУ в 1927–1930 г. М.В. Серебряков резко противопоставлял дореволюционный университет советскому и настаивал на переориентации преподавания на прикладные задачи, подчеркивая, что, если он не перестроится и не «примет деятельного участия в социалистическом строительстве», то и «вовсе прекратит свое существование» [80]. Угроза ректора-коммуниста, адресованная старым профессорам, не была пустой. В какой-то момент на рубеже 1920–1930х гг. – эпохе тотального «закручивания гаек» на научном фронте, режим подошел к идее уничтожения Ленинградского университета как такового. В феврале 1930 г. в «Студенческой правде» была опубликована передовица с красноречивым заголовком: «Сто одиннадцатая и последняя», в которой с идеологических позиций давался краткий обзор университетской истории, включая период советизации и, несмотря на ее успехи, делался вывод о том, что «университетская система уже дала все, что можно было от нее взять. Наше грандиозное строительство требует специалистов нового типа. И не в силах университетской системы справиться с этой задачей» [68].

Университет в советской исторической мифологии и корпоративных практиках сталинизма

Как известно, университет, пусть и не без потерь все же уцелел в лихолетье «великого перелома», разумеется, не меньшими для корпорации стали испытания и эпохи «большого террора» [1]. Своеобразный парадокс заключается в том, что национально-большевистский поворот в политике режима сказался и на процессе корпоративной политики памяти. Это, в частности, нашло отражение в смягчении обвинительной риторики по отношению к представителям старых научных школ, несмотря на условия той постоянной террористической опасности, в которой жил профессорско-преподавательский корпус в эпоху сталинизма. В университете не только продолжает активно поддерживаться культ корифеев дореволюционной науки и, прежде всего, Д.И. Менделеева в рамках разного рода «собраний памяти» и юбилеев ученых [34; 84; 85; 92], но и активно чествуются (в связи с юбилеем или кончиной) те «старые специалисты», кто в 1920-е гг. находился под ударом со стороны советской пропаганды [35; 38; 45; 47; 60; 86].

Одновременно в личных воспоминаниях бывших студентов-большевиков дореволюционный университет становится важнейшим центром освободительного движения. Например, в

многочисленных нарративах И.И. Кореля, во время I Русской революции участника Совета старост, а в советское время директора библиотеки ЛГУ, публиковавшихся в газете «Ленинградский университет», рисуется революционное студенческое самоуправление, игравшее видную роль не только в университете, но и в революции 1905–1907 гг. [51; 52; 27]. В статье опубликованной к 119 годовщине университета И.И. Корель высказывает мысли и положения, которые предвосхитили направления работ последующей советской историографии университета: 1819 г., «дело профессоров», возвращение в задние 12 коллегий, ограничения Николая I, события 1861 г. и закрытие университета и т.д. Матрица «освободительной версии» памяти применительно к университету особенно яркое отражение нашла в абзаце, характеризующим пореформенный университет: «...вплоть до 1917 года царское правительство только терпела университет как необходимое зло, ибо студенчество, а иногда и прогрессивная часть профессуры, слишком часто высказывали свое отрицательное отношение к политике царского правительства. Вот краткий перечень годов отмеченных лишь наиболее крупными волнениями и беспорядками в петербургском университете 1869, 1879, 1880, 1881, 1882, 1887, 1889, 1890, 1894, 1896, 1899, 1900, 1901 (сдача 28 студентов солдатами), 1902, 1903, 1904, 1905, 1908, 1910, 1911» [50]. Все эти даты отражали установки радикальной и либеральной публицистики конца XIX–начала XX в. и практики революционных студенческих коммемораций [97; 44; ср.: 18]. Заканчивает статью И.И. Корель с призывом к историческому факультету написать, наконец, историю университета [50].

Для историков несомненная трудность выполнения такого заказа заключалась в том, что несмотря на разгром школы М.Н. Покровского, общие идеологические рамки истории дореволюционной российской высшей школы во второй половине 1930-х гг. не сильно изменились. Напомним, что в ставшем новой библией советских историков «Кратком курсе Истории ВКП (б)» (1938) не только преподавательский корпус, но даже революционное студенчество представлено как часть буржуазии: «Под влиянием революционной борьбы рабочих усиливается и студенческое оппозиционное движение. Правительство в ответ на студенческие демонстрации и забастовки закрыло университеты, бросило сотни студентов в тюрьмы и, наконец, придумало отдачу непокорных студентов в солдаты. В ответ на это учащиеся всех высших учебных заведений организовали зимой 1901–1902 года всеобщую стачку студентов. Стачка эта охватила до 30

тысяч человек. Революционное движение рабочих и крестьян и особенно репрессии против студентов заставили расшевелиться также либеральных буржуа и либеральных помещиков, сидевших в так называемых земствах, заставили их поднять голос “протеста” против “крайностей” царского правительства, репрессировавшего их сынков-студентов» [49, с. 28]. Разумеется, эти оценки дореволюционного студенчества повторялись и применительно к Петербургскому университету. По словам одного из авторов текстов конца 1930-х гг., основную массу его дореволюционного студенчества рубежа XIX–XX вв. составляли «маленькие сынки», «белоподкладочники» и «карьеристы» [67].

Тем не менее, необходимость нового системного взгляда на историю ЛГУ стала более чем очевидна в 1939 г., когда с большим размахом отмечалось 120-летие университета [24; 25; 39; 56; 66]. Государственный уровень празднику был придан специальным постановлением СНК СССР. Помимо научных мероприятий была подготовлена большая выставка, посвященная истории ЛГУ, которая рассматривалась как основа будущего музея университета [22]. Призывы к историческому факультету заняться, наконец историей университета в этих условиях более не могли игнорироваться. Из преподавателей кафедры истории СССР наиболее близкой по тематике работ эта область вероятно была для С.Н. Валка, который в скором времени возглавил семинар по истории университета, где началась разработка вопросов библиографии, разыскание архивных материалов, составление статей и докладов по истории университета [79]. Вскоре, в апреле 1941 г. под председательством директора ЛГУ П.В. Золотухина состоялось совещание с участием деканов (в том числе нового декана исторического факультета В.В. Мавродина), на котором была выработана программа подготовки к печати материалов по истории университета, в основу которой был положен отраслевой принцип (история наук), первые тома проектируемого издания должны были выйти в свет в 1942 г. [61]. Разумеется, эти издания в срок осуществить не позволила война, но их подготовка дала толчок как созданию первой советской системной истории университета под редакцией В.В. Мавродина [58], так и материалам новой конференции, посвященной уже 125-летию ЛГУ в 1944 г. с докладами по истории разных отраслей знаний [76], в том числе труда С.Н. Валка по истории исторической науки в ЛГУ [33], а также, вероятно его послевоенных крупнейших издательских предприятий – в частности, обзора архивных документов по истории дореволюционного ЛГУ (1961) [62].

* * *

Начальная установка идеологического дискурса была мучительно неопределенна: старый университет то воспринимался в нигилистическом ключе, как остаток прошлого, мешающий социалистическому строительству, то, как научная ценность, принадлежащая народу, которую можно и нужно использовать. Национал-большевистский поворот в государственной идеологии и политики тоталитарного режима начала 1930-х гг. снял эту неопределенность, позволив корпорации сохраниться. Мы видели, что основными сюжетами, востребованными в нарративах, связанных с университетской историей, были события и фигуры, представления о которых были сформированы в рамках освободительной версии исторической памяти – «дело профессоров», события 1861 г., кризис Кассо, Д.И. Менделеев. Единственный вновь изобретенный герой университетской истории в 1920–1930 е гг. – В.И. Ульянов/Ленин. Таким образом, возвращение историографии к изучению истории ЛГУ произошло под давлением корпоративного заказа и в рамках уже проторенной дореволюционными коммеморативными практиками дороги.

Литература

Исследования

1. *Belonogov A. L.* Political Repressions at Leningrad State University // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 4. С. 1085–1106.
2. *Konesny P.* Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999.
3. *University Jubilees and University History Writing: A Challenging Relationship (Scientific and Learned Cultures and Their Institutions)* / Ed. by P. Dhondt. Leiden; Boston, 2015.
4. *Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю.* Изучение истории университета на историческом факультете // Клио. 2013. №10. С. 4–5.
5. 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет: Летопись 1724–1999 / Ред. Л.А. Вербицкая. СПб.: СПбГУ, 1999.
6. *Жуковская Т.Н.* Какая история нужна С.-Петербургскому университету? // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы международной научной конференции. 23–25 июня 2009 г. / Ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 463–478.
7. *Жуковская Т.Н., Любезников О.А.* Правительственная политика и корпорация Петербургского университета в дореформенный пери-

- од: основные итоги и проблемы изучения // Клио. 2013. №10 (82). С. 26–35.
8. История Ленинградского университета. 1819–1969. Очерки / Ред. В.В. Мавродин. Л.: ЛГУ, 1969.
 9. *Казакевич Р.А., Мандель С.З.* К истории столетнего юбилея университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 2. Л.: ЛГУ, 1968. С. 159–166.
 10. *Козлова А.Н.* История создания музея-кабинета Д.И. Менделеева при Императорском Санкт-Петербургском университете в 1907–1911 гг. // Вопросы музеологии. 2016. № 1 (13). С. 60–67.
 11. *Кривоноженко А.Ф.* Межинституциональные коммуникации в сфере высшего образования в 1917–1922 гг. на материалах Петроградского университета. Петрозаводск, 2015.
 12. *Кривоноженко А.Ф.* Процесс советизации Петроградского университета в 1918–1922 гг. // Клио. 2013. №10 (82). С. 104–108.
 13. Петербургский университет и революционное движение в России. Л.: ЛГУ, 1979.
 14. Почетные профессора Санкт-Петербургского государственного университета / Ред. Н.Г. Скворцов. СПб.: СПбГУ, 2009.
 15. Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. СПб.: СПбГУ, 2003.
 16. *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Кривоноженко А.Ф., Сидорчук И.В.* Академическая корпорация столичного университета (1884–1917) в фокусе историографии // Клио. 2012. №7 (67). С. 47–62.
 17. *Ростовцев Е.А.* Проблематика проектов по университетской истории и истории высшей школы (Санкт-Петербургский университет) // Новое прошлое. 2016. №3. С. 145–157.
 18. *Ростовцев Е.А.* Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв. // Клио. 2011. №4 (54). С. 89–99.
 19. *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Изгнанники «советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2016. Вып. 1. С. 64–75.
 20. *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: учебное сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017.
 21. *Сосницкий Д.А.* Основные направления изучения истории Санкт-Петербургского университета в современной российской историографии // Клио. 2017. № 10 (130). С. 207–217.
 22. *Тихонов И.Л.* Служение науке, образованию и прогрессу. Из истории университетских юбилеев // Санкт-Петербургский университет. 2009. № 2–3. С. 13–19.
 23. *Шилов А.В.* Из истории Петроградского университета: судьбы уче-

ных в послеоктябрьский период // Петербургские чтения–1997. СПб.: Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург–2003», 1997. С. 254–257.

Источники

24. *Айрапетьянц Э.* К 120-летию юбилею ЛГУ // Ленинградский университет. 1939. 14 февраля. №7. С. 4.
25. *Айрапетьянц Э.* Подготовка к юбилейным торжествам // Ленинградский университет. 1939. 5 марта. №10 (360). С. 3.
26. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. Т. 1: А–Л. СПб., 1896; Т. 2: М–Я. СПб., 1898.
27. *Боровский Б.* Год 1905 // Ленинградский университет. 1937. 14 ноября. №35 (305). С. 2.
28. Борьба за науку в царской России: Неизданные письма И.М. Сеченова, И.И. Мечникова, Л.С. Ценковского... и др. М.; Л.: Огиз – Гос. соц.-экон. изд-во, 1931.
29. *Брамсон М.* Отрывки из воспоминаний (1883–1886) // Народовольцы после 1 марта 1881 г. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. С. 81–86.
30. В.И. Ульянов (Ленин) в СПб. Университете // Студенческая правда. 1927. 7 ноября. №1. С. 1.
31. В былые дни (как родился наш коллектив комсомола) // Студенческая правда. 1928. 31 января. №5. С. 4.
32. «В тяжелый год (Отрывки из дневника студента)». Свидетельства о жизни университета в 1921 г. // Студенческая правда. № 1. 1927. 7 ноября. С. 2.
33. *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7–106.
34. *Вейнберг Б.П.* Что мне дали лекции Менделеева // Ленинградский университет. 1937. 24 февраля. № 6. С. 3.
35. *Горшков П., Субботин М., Амбарцумян В. А.А.* Иванов [Некролог] // Ленинградский университет. 1939. 30 ноября. № 42. С. 4.
36. *Григорьев В.В.* Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: В. Безобразов и К, 1870..
37. Д.И. Менделеев по воспоминаниям О.Э. Озаровской. М.: Федерация, 1929.
38. Два юбилея // Ленинградский университет. 1938. 15 января. № 3. С. 3.
39. 21 февраля – 120 лет Ленинградского университета // Ленинградский университет. 1939. 7 января. № 1. С. 1.

40. *Державин Н.С.* Высшая школа и революция. М.; Пг.: Государственное издательство, 1923.
41. Десять лет // Студенческая правда. 1927. 7 ноября. № 1. С. 1.
42. *Добронравов В.* Из истории нашего Университета. Студенческие волнения 60-х гг. // Студенческая правда. 1928. 7 ноября. № 16. С. 5.
43. *Добронравов В.* Наш университет в октябрьские дни // Студенческая правда. 1929. № 16 (35). 7 ноября. С. 2.
44. *Д[ьяконов] А.* 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. СПб.: Типо-литография «Надежда», 1907.
45. *Ершов П., Дымищ З., Магин Л. И.И.* Толстой [Юбилей научно-педагогической деятельности] // Ленинградский университет. 1939. 14 февраля. № 7. С. 2.
46. *Жаба С.* Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу. Paris: Рус. книгоизд-во J.Povolozky, 1922.
47. *Жирмунский В.М.* Развитие филологических наук в ЛГУ // Ленинградский университет. 1939. 13 апреля. № 16. С. 3.
48. *И.Н.* Столетний юбилей // Сибирская Жизнь. [Томск] 1919. 21 февраля. № 35. С. 1.
49. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП (б); Одобрен ЦК ВКП (б). 1938 год. М.: Госполитиздат, 1945.
50. *Корель И.* Из прошлого нашего университета (к 119 годовщине) // Ленинградский университет. 1938. 23 февраля. № 9. С. 4.
51. *Корель И.* Как я учился в старом университете // Ленинградский университет. 1937. 7 ноября. № 34 (304). С. 2.
52. *Корель И.* Петербургский университет на службе революции в 1906–1907 году (Воспоминания студенческого старосты) // Ленинградский университет. 1939. 28 февраля. № 9 (359). С. 4; 5 марта. № 10 (360). С. 4; 10 марта. № 11 (361). С. 4.
53. *Кочергин.* Семь лет назад // Студенческая правда. № 1. 1927. 7 ноября. С. 4.
54. Ленинградский государственный университет / Ред. В.Б. Томашевский. Л., 1925.
55. Ленинградский государственный университет им. А.С. Бубнова // Университеты и научные учреждения. К XVII съезду ВКП (б) / Ред. Г.М. Кржижановский. М.; Л., 1934. С. 115–179.
56. Ленинградский университет. Научная сессия, посвященная 120-летней годовщине со дня основания университета (1939; Ленинград). 120 лет Ленинградского государственного университета: научная сессия, посвященная 120-летней годовщине со дня основания университета (1819–1939), 16–20 апреля 1939 года: Тезисы докладов. Л., 1939.
57. [Ленинградский университет] // Ленинград. Путеводитель. М.; Л.: Огиз, 1931.

58. Ленинградский университет 1819–1944. [К 125-летию со дня основания] / Ред. В.В. Мавродин. М.: Советская наука, 1945.
59. М. Бутлеров. 1828–1928. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1929.
60. *Магин Л.* Владимир Леонтьевич Комаров // Ленинградский университет. 1939. 5 марта. № 10 (360). С. 2.
61. Материалы по истории университета // Ленинградский университет. 1941. 18 апреля. № 15. С. 4.
62. Материалы по истории Ленинградского университета. 1819–1917. Обзор архивных документов / Ред. С.Н. Валк. Л.: ЛГУ, 1961.
63. *Менделеева А.И.* Менделеев в жизни. М.: М. и С. Сабашниковы, 1928.
64. *Мечникова О.Н.* Жизнь Ильи Ильича Мечникова. М.; Л.: Государственное издательство, 1926.
65. *Михайлова.* К 110 годовщине Ленинградского ун-та // Студенческая правда. 1929. 4 марта. № 4–5. С. 4.
66. Накануне юбилея // Ленинградский университет. 1939. 5 марта. № 10 (360). С. 1.
67. *Немилов А.В.* 120 лет Ленинградского государственного университета // Советская наука. 1939. № 2. С. 167–177.
68. *Николай.* Сто одиннадцатая и последняя [годовщина университета] // Студенческая правда. 1930. 22 февраля. № 4. С. 1.
69. *Носов Е.* В главном коридоре // Студенческая правда. № 1. 1927. 7 ноября. С. 3.
70. Опись адресов I-му Петроградскому университету // ЦГА СПб. Ф. 7240 Оп. 14. Д. 26. Л. 18–18 об.
71. *Петров М.* Что за рабфак // Студенческая правда. №1. 1927. 7 ноября. С. 4.
72. Письмо т. Ольминского (Ответ на запрос Истпарта ЛГУ) // Студенческая правда. 1927. 7 ноября. № 1. С. 3.
73. *Платонова Н.Н.* Дневник (1889–1921) / Отв. ред. Е.А. Ростовцев, П.А. Трибунский. Рязань, 2020.
74. *Плетнев П.* Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского Университета. СПб., 1844.
75. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 2. М., 1965.
76. Программа юбилейной научной сессии Ленинградского университета. Л.: ЛГУ, 1944.
77. *Рождественский С.В.* Первоначальное образование Санкт Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819–1919: Материалы по истории С.-Петерб. ун-та / Ред. С.В. Рождественский. Пг.: Б.и., 1919. С. I–CVI.
78. Санкт-Петербургский университет в первое столетие его Деятель-

- ности 1819–1919: Материалы по истории Санкт-Петербургского университета / Ред. С.В.Рожественский. Пг.: Б.и., 1919.
79. Семинар по истории университета // Ленинградский университет. 1941. 7 марта. № 9. С. 3.
 80. *Серебряков М.В.* Задачи университета // Студенческая правда. 1927. 7 ноября. № 1. С. 1.
 81. *Сеченов И.М.* Рефлексы головного мозга: попытка свести способ происхождения психических явлений на физиологические основы: с биографией И.М. Сеченова. Л.: Прибой, 1926.
 82. Систематический указатель к периодическим изданиям С.-Петербургского – Ленинградского университета (1876–1956). Л., 1959.
 83. 100-летняя годовщина Петроградского университета // Северная коммуна. 1919. 23 февраля. № 43 (236). С. 2.
 84. *Тищенко В.* Менделеев и наш университет // Ленинградский университет. 1934. 13 сентября. № 30. С. 2.
 85. 30 лет со дня смерти Д.И. Менделеева // Ленинградский университет. 1937. 24 февраля. № 6. С. 3.
 86. 35 лет научной деятельности [В.А. Догеля] // Ленинградский университет. 1939. 13 апреля. № 16. С. 4.
 87. Университет в 80–90-х годах // Студенческая правда. 1929. 7 ноября. С. 1.
 88. *Фриш С.Э.* Воспоминания о Ленинградском университете в первые годы после революции (1918–1924) // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 3. Л.: ЛГУ, 1976. С. 95.
 89. *Фриш С.Э.* Сквозь призму времени: воспоминания. СПб.: Соло, 2009.
 90. *Хлопин Г.В.* Из воспоминаний студента 80-х гг. // Юбилейный сборник Военно-медицинской академии, посвященный 10-й годовщине Октябрьской революции. Л.: Военный вестник, 1927. С. 117–140.
 91. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 34. Материалы юбилейной комиссии по празднованию 100-я Петроградского университета.
 92. *Черняев И.* Значение Менделеевского съезда // Ленинградский университет. 1934. 13 сентября. № 30. С. 1.
 93. «Четверть века назад» (университет и революция 1905 г.) // Студенческая правда. 1930. 14 января. № 1–2 (38–39). С. 8.
 94. *Чугаев Л.А.* Дмитрий Иванович Менделеев. Жизнь и деятельность. Л.: Науч. хим.-техн. изд-во, 1924.
 95. *Шульгин И.П.* О начале и постепенном возрастании Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб.: Тип А. Плюшара, 1838.
 96. *Щерба Л.В.* В.Б. Томашевский – как ректор и ученый // Красная Газета. Вечерний выпуск. 1927. 15 февраля. № 43 (1361). С. 2.
 97. *Энгель Г., Горохов В.* Из истории студенческого движения 1899–1906. СПб.: В.К. Сердаковский, 1906.

Evgeny A. Rostovtsev

St. Petersburg University in Soviet Historiography and Commemorative Practices (1919–1939)

Abstract. The article examines the course of the formation of ideas about the history of St. Petersburg University in the context of the development of commemorative practices and historiography in the period between the university anniversaries of 1919 and 1939. In particular, it shows the evolution of the social order for texts on the history of Leningrad State University, the influence on this process of state policy in the field of higher education and the politics of memory. Special attention is paid to the process of constructing the history of the revolutionary movement at the university, as well as the history of its Sovietization. The article shows how the process of mastering and appropriating the history of the “old university” took place within the framework of the new Soviet historical narrative. According to the author's observations, the formation of the main attitudes of the Soviet historiography of the history of St. Petersburg/Petrograd/Leningrad University was largely due to the discourses of the “liberation version” of the historical memory of Russian society and the university corporation that emerged in the late 19th – early 20th centuries. As shown in the article, in the late 1930s, under the influence of commemorative practices, the formation of a new program of collective scientific research on the history of Leningrad State University begins, the implementation of which fell on the war and post-war times.

Keywords: historical memory, history of universities, history of St. Petersburg University, history of Leningrad University, history of LGU, anniversaries, commemorations.

Rostovtsev Evgeny Anatolievich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, St. Petersburg State University; Associated Research Fellow at the Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.